

Родился в Москве. В 1976 году переехал в Кишинёв. Посещал кишинёвскую литературную студию «Орбита», публиковался в газете «Молодежь Молдавии». В 1978 году поступил на факультет журналистики Кишинёвского университета, но ушёл, не окончив первого курса. В 1981 году эмигрировал в Германию. Учился в Гамбургском университете, на факультете славянской филологии. Выпустив в 1986 году коллективный сборник «Смерть Хорвата», посвящённый символической «смерти русского поэта Хорвата», прекратил писать стихи. В 1989 году защитил магистерскую диссертацию на тему «Философия общего дела Н. Фёдорова». Работал переводчиком при МВД под Бонном и корреспондентом радиостанции Немецкая волна (Кёльн), редактором и автором издательства Overseas Publications Interchange Ltd. (Лондон) и газеты «Русская мысль» (Париж). С 1985 года занялся живописью, концепт-артом, под псевдонимом Мэйк Ап принимал участие в выставках в Германии. В 1988 году осуществил попытку превращения жизни в тотальный перформанс, а в 1992 году написал роман «Ready-Man» на немецком языке. Совершил самоубийство в 1993 году накануне открытия своей первой большой инсталляции «Перекоп Европы». В СССР стихи печатались в журнале «Кодры» (Кишинёв) и альманахе «Истоки» (Москва), в эмиграции — в журналах «Континент» и «Стрелец», газете «Русская мысль», антологии «У Голубой лагуны». В 1985 году основал издательство «ХОР&ТМА», в котором были изданы поэтические книги «По чернотопу. Ранние

стихотворения» — (Гамбург, 1985), «Здесь я поэт» (Гамбург, 1985), «Хореи Бега» (Гамбург, 1985), «Святыи чаду В. и М» (Гамбург, 1985), «Смерть Хорвата» (Гамбург, 1986), «Раскатанный слепок лица: Стихи, проза, письма» (М.: Культурный слой [Издатель В. И. Орлов], 2005).

ТАЙНООБРАЗУЮЩЕЕ ПЛЕЧО

* * *

Я отвернусь, как латинское R,
к стенке пустой. Не ищи идеала
в жизни. Ты сам для кого-то пример,
так завернувшись в своё одеяло,
как завернулся. А, впрочем, к чему
здесь обращенье? К кому обращаться —
уж не к себе ли? И вправду, ему
нечего кем-то ещё обольщаться.

Утром лежи, никуда не беги.
Даже на шум головной перестрелки.
Ибо не знаешь, с которой ноги
встать и в какой оказаться тарелке
каждое утро. Так переверни
белые ночи с их тьмою заглазной, —
что обнаружится? Чёрные дни.
Будь же в реальности, с речью согласной.

Ляг на прекрасный, как женщина, пол,
глянь в потолок, где готовы приняться
злаки о будущем. Главный глагол —
«быть», чтоб они продолжали меняться.

...Как вспомнишь дни морозов вязких
их вражеский наскок,
и колкость варежек варяжских
и вязаных носков,
— и весь, составленный из белых
осколков и кусков,
на счастье выпавших тарелок
из рук, калейдоскоп!

И в рифму, в рифму шлём Европу,
и греческих календ
не ждем, когда по черностопу,
чтоб снегу до колен,
перебираемся мы прямо в
середину бытия!
— и можно мне там двести граммов,
любимая моя?

1982

ДВОИЦА

I.

В наших широтах
зимы пушисты,
весны дощаты.
Ходят в сиротах,
гибнут фашисты,
нет им пощады.

В этих пространствах
вязнут французы,

будто в болоте,
Об иностранцах
местные музы
плачут в полёте, —

уж заработав
вечную грыжу
с радикулитом
от перелётов
с крыши на крышу
к новым пиитам.

II.

В широтах наших
пушисты зимы,
дощаты вёсны.
От снов монарших
хохлы, грузины
грустны, нервозны.

Печальны чукчи,
усталы коми,
расстройство в курдах,
и жалки кучки
якутов, кои
ютятся в юртах.

Двуглавый, с Югом
наш Север в ступке
смешав, распался.
А то б друг с другом,
что две голубки,
поцеловался.

— Над деревьями вейся,
падай с неба наклонно, отвесно,
ощущение веса
отнимай у бегущего в лес, но
не лишай равновесья
на трамплине, а кончатся горы —
узкий въезд в редколесье
приоткрой, раздвигаясь, как шторы,
— дую с веста и оста,
наложи на ланиты румяна, —
то, что чем-то зовётся,
но само о себе безымянно, —
бей в зрачки мне на трассе,
растворись в леденеющей лимфе,
— в наши дни на Парнасе
попросторнее, чем на Олимпе!

1982

ПОДДЕРЖИ МОЮ ГОЛОВУ

со страстями и печальями, —
чтоб привыкнула к говору
Херувимов с Началами,
Серафимов с Престолами
над моими плечами,
надо всеми просторами,
над денми и ночами.

Пусть язык мой не вывалится,
прикасавшийся к небу,
пусть и звук мой не выльется
на любую паневу,

но — в море парящее,
куда — коль допето —
умирать не пора ещё
было певшему это.

1983

СУББОТНЕЕ

Немного спать хотелось, но теперь прошло,
коснулся рукоделия — помогло.
Как руку сжал — пять чувств затворил,
дыханием моление сотворил
и хорошо-то стало! Воспарил.

Ты наклонись, Пречистая, — я шепну.
Так спутано пространство в земном клубке,
что Ты и покрываешь в одной строке
и на груди вмещаешь в образке —
того, кому из черепа в вышину
открылося отверстие в потолке.

12.5.84

ВОСКРЕСЕНЬЕ

Трудно очи долу, а сердце горе.
Небо и поныне соблазняет глаза.
Крепко надо верить, чтобы в тёмном нутре
выпала из сукровицы Божья роса.

Наше троеперстье живёт в кулаке.
Им же знаменуемся и строчки строка,

всасывая в детстве облака в молоке,
тайнообразующе крыло из плеча.

Смертный, что родится во плоти и крови —
яко до рождения уже причащён —
в страхе принимающе Святыни Твои
будет в них по смерти воплощён, помещён.

13.5.84

ТРОИЧНЫ

I.

Там, где я крестился, где молчал, говорил
локонами ладана волокна ловил,
спину распрямляючи душёю кривил —

ныне отверзаешь милосердия дверь
ту, куда и вёл меня Твой горний тропарь
— то-то отбиравший у груди без свинца

выдохи да вдохи и единым теперь
духом испускаемый словарь — на букварь
всё-то распадается, что кровь на тельца.

II.

Вот и повторяю предыдущее: кровь.
Ибо отзовется подползающим: крот —
громче и точнее, чем зеркальным: любовь.

Зрение минуя моё пенье глядит
в светлое Успение и новый индикт
в коем не останется ни вдов, ни сирот.

Дух уже испущен, но остался душок.
Даже с перепоею написался стишок.
Освежи дыхание, земной порошок!

III.

... вот уж из-под тела уплыла глубина
вот и разбежалась от боков ширина
вот и отлетела от самой головы

бывшая с рожденья и над ней вышина!
Это завещание народам Земли
Прожита и мною миллионная часть.

... сменные обличья — насекомые, львы —
слышу, приближаются и в душу стучась
алчут себе жизни; но ещё не вошли.

Август 1984

ЧАСТУШКА НАДГРОБНАЯ

Я полбанки раздавил,
мирозданье раздвоил,
я родил Аполлиона,
а назвал Эммануил!

Я алхимию развёл,
метафизику завёл,
и призвал я Аполлона,
а явился Гавриил!

...Но закончен мой полёт.
Я в земле моей полёг.
Над моею головою
мотылек теперь поёт.

Червячок меня грызёт,
голубок меня клюёт.
Херувимской хоровою
человек меня спасёт.

Январь 1984